

Editorial Team

Editor-in-Chief

Kabuldinov Ziyabek Ermukhanovich – Doctor of Historical Sciences Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan) E-mail: kabulzia@rambler.ru

Profile link: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56195670100>

Editorial board members

Abil Erkin Amanzholovich, doctor of historical sciences, professor, director of the of the Institute of history of state of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana); Scopus Author ID: 55801644900; ORCID

Abusseitova Meruert Khuatovna, doctor of historical sciences, professor, corresponding member of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan; director of the Republican information center for studies of the historical materials (Republic of Kazakhstan, Almaty); Scopus Author ID: 57208107912; ORCID

Alimbay Nursan, candidate of historical sciences, professor; chief researcher of the C. Valikhanov Institute of history and ethology of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Almaty). Scopus Author ID: 55860087100; ORCID

Azhigali Serik Yeskendirovich, doctor of historical sciences, professor, chief researcher, emeritus head of the department of ethnology and anthropology of the Institute of history and ethnology of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Almaty); Scopus Author ID: 57478728700; ORCID

Ismagulov Orazak Ismagulovich, doctor of historical sciences, professor, academician of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan, corresponding member of the Bologna Academy of sciences (Bologna, Italy), head of the physical anthropology laboratory of the National museum of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana); Scopus Author ID: 22979625700; ORCID

Krupa Tatiana Nikolaevna, Researcher at the Research Laboratory of Experimental Archaeology, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Margulan Centre, Head of the International Research Laboratory "YMAI" (Kazakhstan – Ukraine); ORCID

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich, doctor of historical sciences, professor, academician of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan; director of the Internal institute of Kypshak studies of the al-Farabi Kazakh national university, professor of Gumilev L. Eurasian national university (Republic of Kazakhstan, Almaty); Scopus Author ID: 57193858171; ORCID

Kushkumbayev Aibolat Kairslyamovich, doctor of historical sciences, chief researcher of the regional studies department ñ of the Gumilev L. Eurasian national university (Republic of Kazakhstan, Astana); Scopus Author ID: 57202775542; ORCID

Morrison Alexander, PhD, professor New College, Oxford (Great Britain, Oxford); Scopus Author ID: 35794760200; ORCID

Muktar Abilseit Kapizovich, Director of the State Historical and Cultural Museum-preserve "Saraishyq" - Doctor of Historical Sciences, Professor; Scopus Author ID: 57193092619; ORCID

Myong, Soon-ok, doctor of anthropology, associate professor (Republic of Korea, Seoul); Scopus Author ID: 56720218700; ORCID

Muminov Ashirbek Kurbanovich, doctor of historical sciences, arabist, professor; consultant of the General director on organizational affairs OIC (Central Asia), (Turkey, Istanbul); Scopus Author ID: 56409722900; ORCID

Omer Cul, doctor of social sciences, professor of Istanbul university (Turkey, Istanbul); ORCID

Ono Ryosuke, PhD, anthropologist Waseda University (Japan, Tokyo);

Outram Alan, Doctor of archeology, professor, Department of Archaeology and History, University of Exeter (Exeter, UK); Scopus Author ID: 8954776500; ORCID

Peter Finke, PhD, professor of the Max Planck institute, Zurich university (Switzerland, Zurich); Scopus Author ID: 55124700300

Sadvokassova Zakish Tleukhanovna, doctor of historical sciences, professor; chief researcher of the C.C. Valikhanov Institute of history and ethnology of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Almaty); Scopus Author ID: 56682843400; ORCID

Saidov Ilkhomjon Mukhiddinovich, doctor of historical sciences, professor (Samarkand, Uzbekistan); ORCID

Uyama Tomohiko, PhD, professor of the Slavic-Eurasian researches Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo); Scopus Author ID: 56471951500; ORCID

Vuillemenot Anne-Marie, doctor of anthropology, professor of the Catholic university of Luven, (Belgium, Luven); Scopus Author ID: 36679419300; ORCID

Executive Editor

Mukanova Gyulnar

Scientific Editors

Kasymova Didar

Murzakhodzhayev Kuanysh

Executive Secretary

Murzakhodzhayev Kuanysh

Technical secretary

Zikirbayeva V.S.

ӘДІСНАМА / METHODOLOGY / МЕТОДОЛОГИЯ

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
Vol. 26. Is. 4, pp. 670-682, 2023
Journal homepage: <https://otan.history.iie.kz>

FTAXP / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2023_26_4_670-682

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ КАЗАХСТАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ 20–30-Х ГГ. XX В. И ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

Кулгазира Балтабаева¹, Сауле Ауқеновна Жақишева²

¹Кандидат исторических наук, Исполнительный директор Ассоциации выпускников Казахского национального университета им. Аль-Фараби, пр. Аль-Фараби 71, 050040, г. Алматы, Республика Казахстан

<https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>. E-mail: kulgazira_777@mail.ru

²Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

<http://orcid.org/0000-0002-0319-298X>. E-mail: adiconilau@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2023

© Балтабаева К.Н., Жақишева С.А., 2023

Аннотация. *Введение.* История и суть «беженского вопроса» представлены в контексте функционирования механизмов репрессивной политики советских органов. *Цели и задачи исследования.* Изучить причины, масштабы, направления беженского потока, политику советской власти по отношению к беженцам. *Заключение.* Международные акты о статусе и правах беженцев, на которых базируется современная Конвенция, в трагическое для Казахстана и его народа время уже существовали, но к казахстанским беженцам они не применялись. Международное сообщество не могло решить проблему беженцев из Советского Союза в силу ограниченности возможностей и приоритета других вопросов формирующейся новой системы международных отношений. Предлагается принять отдельный Закон Республики Казахстан «О беженцах, покинувших территорию Казахстана в годы политических репрессий». Масштаб вынужденной миграции в 1930–1932 гг. впервые оценивается в диапазоне от 1,8 млн до 2 млн чел, в том числе эмиграционные потери – 200 тыс. человек.

Ключевые слова: казахи, беженцы, политические репрессии, реабилитация, журнал «Ұлт жады» / Национальная память / National memory

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20–50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» (№ OR11465470).

Для цитирования: Балтабаева К.Н., Жақишева С.А. Политические репрессии казахстанских беженцев 20–30-х гг. XX в. и проблемы реабилитации // Отан тарихы. 2023. Т. 26. 3. С. 670-682. (Рус.) DOI: 10.51943/2788-9718_2023_26_670-682

XX Ғ. 20–30 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚ БОСҚЫНДАРЫНА ЖАСАЛҒАН САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН ЖӘНЕ АҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Кулгазира Балтабаева¹, Сауле Әуқенқызы Жәкішева²

¹Тарих ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Түлектер қауымдастығының атқарушы директоры (Әл-Фараби даңғ., №71, 050040, Алматы қ., Қазақстан Республикасы)

<https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>. E-mail: kulgazira_777@mail.ru

²Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті (71-үй, Әл-Фараби даңғылы, 050040 Алматы, Қазақстан Республикасы)

тарих ғылымдарының докторы, профессор

<http://orcid.org/0000-0002-0319-298X>. E-mail: adiconilau@mail.ru

Андатпа. *Kipicne.* Мақалада кеңес одағы кезеңіндегі қуған-сүргінге ұшыраған «босқын мәселесі» тарихи тұрғыдан талданады. *Мақсаты мен міндеті.* Кеңес өкіметінің саясаты мен босқындарға көзқарасы, сонымен қатар босқындардың паналаған бағыттары, көлемі, себеп-салдарын анықталады. *Нәтижелер.* Қазіргі Конвенцияға негізделген босқындардың мәртебесі мен құқықтары туралы халықаралық құжаттар Қазақстан мен оның халқы үшін бұрыннан болған, бірақ олар қазақ босқындарына қолданылмаған. Халықаралық қоғамдастық Кеңес Одағының босқындар мәселесін мүмкіндіктердің шектеулілігіне және халықаралық қатынастардағы жаңа жүйенің пайда болуы мен басқа мәселелерінің басымдылығына байланысты шеше алмады. «Саяси қуғын-сүргін жылдарында Қазақстан аумағынан кеткен босқындар туралы» Қазақстан Республикасының жеке Заңын қабылдау ұсынылады. 1930-1932 жылдардағы мәжбүрлі көші-қон ауқымы алғаш рет 1,8 млн-нан 2 млн адамға дейінгі диапазонда бағаланады, оның ішінде эмиграциялық шығындар – 200 мың адам.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің "XX ғасырдың 20-50 жылдарындағы Қазақстандағы жаппай саяси қуғын-сүргін және оңалту процестері: бірыңғай деректер базасын құру" грантын іске асыру шеңберінде дайындалды (№ OR11465470).

Дәйексөз үшін: Балтабаева К., Жәкішева С.Ә. XX ғ. 20–30 жылдардағы қазақ босқындарына жасалған саяси қуғын-сүргін және ақтау мәселелері // Отан тарихы. 2023. Т. 26. 4. С. 670-682. (Орыс.) DOI: 10.51943/2788-9718_2023_26_670-682

POLITICAL REPRISALS OF KAZAKH REFUGEES IN THE 1920–1930S. XX CENTURY AND PROBLEMS OF REHABILITATION

Kulgazira Baltabayeva¹; Saule A. Zhakisheva²

¹Candidate of Sciences (History), Executive Director, Alumni Association of the Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan)
<https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>. E-mail: kulgazira_777@mail.ru

²Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Av., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor
<http://orcid.org/0000-0002-0319-298X>. E-mail: adiconilau@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The history and essence of the “refugee question” are presented in the context of the functioning of the repressive policies of Soviet authorities. *The aim and objectives* of the research are to examine the causes, scale and directions of the refugee flow, as well as the policies of the Soviet government towards refugees. *Conclusion.* International acts on the status and rights of refugees, on which the modern Convention is based, already existed during the tragic time for Kazakhstan and its people, but they were not applied to Kazakh refugees. The international community could not solve the problem of refugees from the Soviet Union due to limited capabilities and prioritization of other issues in the emerging new system of international relations. It is proposed to adopt a separate law of the Republic of Kazakhstan on refugees who left the territory of Kazakhstan during the years of political reprisals. The scale of forced migration in 1930–1932 is estimated for the first time to be in the range of 1.8 to 2 million people, including emigration losses of 200 thousand people.

Keywords: Kazakhs, refugees, political repression, rehabilitation, “Ult Zhady” magazine / National memory

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the grant of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan "Mass political repression in Kazakhstan in the 20-50s of the XX century and rehabilitation processes: creation of a unified database" (№ OR11465470).

For citation: Baltabayeva K, Zhakisheva S. Political repressions of Kazakh refugees in the 1920–1930s. XX century and problems of rehabilitation / *Otan tarihy*. 2023. Vol. № 4. Pp. 670–682 (in Rus.). DOI: 10.51943/2788-9718_2023_26_670-682

Введение. Под беженцами из Казахстана мы понимаем мигрантов, которые были вынуждены сменить местожительство под воздействием политических репрессий, преследований и других агрессивных факторов политического, социально-экономического и духовного характера. В целях всестороннего изучения и решения вопросов реабилитации жертв политических репрессий Указом Президента РК К.-Ж.К. Токаева № 456 от 24 ноября 2020 г. создана Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий. Под ее эгидой в частности, изучается и проблема беженцев 20–30-х гг. XX в.

Материалы и методы. В качестве источниковой базы выступили документы, выявленные в архивах РК, ведомственных архивах КНБ РК, МВД РК, в том числе рассекреченные в 2022–2023 гг. Причем большинство ценных документов Казкрайкома ВКП (б) и ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) касательно беженской проблемы имело специальный гриф «Совершенно секретно», «Строго секретно. Особая папка». «Не подлежит оглашению», «Хранить безусловно наравне с шифром», «Секретно. Подлежит возврату», «Обеспечьте подпиской о неразглашении содержания». Большое внимание уделено статистическим материалам, аналитическим справкам, спецводкам, протоколам тройки ОГПУ. Многие источники из архивов Узбекистана, Таджикистана, России являются новыми, не введенными в научный оборот. В статье применены междисциплинарный подход, общенаучные и специально-исторические методы.

Обсуждение. Казахстан сталкивался с феноменом массового беженства и этнической миграции не один раз в своей истории. Так, основоположник казахской диаспорологии Г.М. Мендикулова относит к военно-политическим беженцам всех людей, покинувших после поражения восстания 1916 года родину, спасая от физического уничтожения близких и родных (Мендикулова, 1997:85). В России были подготовлены сборник «Гонимые голодом: Документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х годов» (1995), а также монография «Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. 1931–1934», изданные в Казахстане (Мальшева, Познанский, 1999). К сожалению, некоторые документы из названного сборника на данный момент недоступны исследователям в архиве. В 2023 г. в Бишкеке вышел сборник документов о казахских беженцах в Кыргызстане в 1932–1933 г. (Ашаршылык в Казахстане, 2023).

Беженский вопрос так или иначе присутствует в изданиях по коллективизации и оседанию (Абылхожин, 1989), голоду, народным восстаниям и протестам (Омарбеков, 2003), формированию мировой казахской диаспоры (Мендикулова, 1997; Мендикулова, 2006), в том числе в Иране и Афганистане (Жеменей, 2012), в Таджикистане (Нуралиев, 2016), политическим репрессиям в Казахстане (Койгелдиев, 2009) и за его пределами (Казахи в Средней Азии, 2022).

Отметим также вклад ученых Москвы (Жиромская и др., 1996), Барнаула (Наземцева, 2010), Новосибирска (Аблажей, 2014), Красноярска (Дацышен, 2023). В их работах содержится статистика по беженцам разных национальностей, подробный анализ пребывания в Китае, репатриации и реэмиграции. Проф. Университета штата Мэриленд (США) Сара Камерон, опираясь на научные исследования на казахском, русском и английском языках, широкую документальную базу смогла продемонстрировать как политику насилия власти над народом, политические последствия бегства казахов из собственной автономной республики, взаимосвязь бегства и хозяйственно-политических кампаний и голода, так и стратегию выживания беженцев в принимающем обществе (Камерон, 2023).

Бегство людей от произвола и голодной смерти режимом прикрывалось традиционным названием – кочевничество. В большинстве научных трудов прочно закрепились термины карательной практики органов большевистской власти – «откочёвка», «откочевники», причем

независимо от национальности и образа жизни беженцев (оседлого или кочевого). Новое понятие «вынужденные беженцы» вместо «откочевники» предложено Подкомиссией по методологии (рук. канд. юр. наук С.А. Касымов) Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Были сформированы республиканская и региональные группы «по беженцам» (К.Н. Балтабаева, Р.К. Айдарбаева, Ш.Б. Тлеубаев, Б.Ж. Атантаева и др.). Впервые в отечественной науке издан сборник «Вынужденные беженцы» по материалам архивов Казахстана, России, Узбекистана (Материалы Госкомиссии, 2022). «Хочу поддержать своих казахских коллег, чтобы называли вещи своими именами, голодающих называли голодающими и беженцами. ...Нейтральный термин «откочевники» был введен комсваппаратом... Мол, во всем виноваты кочевники, которые в это время кочевали туда-сюда», – заявил проф. З.К. Курманов из Кыргызстана (Курманов, 2022: 25).

Приведенный историографический обзор, который не претендует на завершенность и полный охват проблемы, позволяет судить о возможностях дальнейшего изучения беженской проблемы на новой методологической и источниковой базе.

Результаты. Бегство населения в пределах и за пределы Казахстана, и в первую очередь казахов, партийные и советские органы произвольно обозначали термином «откочевники», вынужденную миграцию называли «наплывом», «приливом», «стихийным/массовым переселением», «неорганизованным отходничеством», «нелегальной перекочевкой». При вооруженных столкновениях, когда главы семей защищали семью, близких и земляков, свою собственность на скот и имущество, они с подачи чекистов и пограничников превращались из беженцев в «бандглаварей» и «вооруженную банду». Турар Рыскулов в письме от 9 марта 1933 г. на имя И.В. Сталина, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, говоря о беженцах-казахах внутри СССР численностью 240 000 человек, со знанием дела особо подчеркнул: «Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания» (Советское руководство, 1999:205).

Рассекреченные Госкомиссией документы архивов МВД и КНБ РК свидетельствуют, что бежали скотоводы и хлеборобы, сельчане и горожане и в осенний, зимний периоды, без скота, без скарба, без продовольствия, что грозило им гибельными последствиями в пути и в новых местах вселения. «Дорога отвратительная, бураны, открытая степь, населенных пунктов нет. ...Астрахань просим выставить заслон в Красноярском районе», – докладывает 6 марта 1931 г. Гурьевский оперативный сектор в ПП ОГПУ в Казахстане касательно выступлений аулов Джангалинского района против сдачи скота (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5052. Л. 239-240).

В первых числах октября 1930 г. 40 хозяйств (семей) Каратальского, Малай-Сарийского и Октябрьского районов при переходе в Китай были перебиты пограничной охраной и Талды-Курганским коммунистическим отрядом, хотя по признанию ОГПУ никакого сопротивления со стороны казахов и не было. Удалось бежать и остаться живыми лишь 9-ти хозяйствам (ЦГА РК. Ф. Р-44. Оп. 12. Д. 492. Л. 53–56 об.). Причиной бегства являлось неправильное распределение плана хлебозаготовок между дворами.

Под нажимом хлебо-, мясозаготовок, раскулачивания 1930-1931 гг., внутрикраевого выселения 3 000 кулацко-байских хозяйств на основе решения Бюро Казкрайкома от 11 мая 1932 г. были вынуждены покинуть КазАССР представители разных этносов (ГАОЖ. Ф. 14–П. Оп. 1. Д. 61. Л. 12). Так, дунгане и уйгуры в основном бежали в Синьцзян и Киргизию, узбеки и киргизы – в свои этнические территории в Средней Азии, каракалпаки – в Туркмению, русские, украинцы, белорусы, мордвины, поляки и др. – в Россию, Украину, а группа немцев бежала в Маньчжурию из Восточного Казахстана (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 312. Л. 110).

Власти, не считаясь с экономической трансформацией скотоводческого хозяйства, произвольно выделили свыше 50 кочевых и полукочевых районов, из которых, по версии чекистов, 14 были развалены. «Развалы их, главным образом определяются резким снижением поголовья скота (в ряде районов на 85% и больше), сокращением посевных площадей, массовыми откочевками населения и высокой смертностью на почве голода и эпидемий» (СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 202. Л. 1) – так трагедия народа, государства и общества была свалена на местных коммунистов, беспартийных исполнителей указаний Центра, которые «скатились на путь предательства», став «паразитическим элементом». В 24-х районах были подвергнуты групповому аресту и преданы суду по состоянию на 27 февраля 1933 г. 577

руководителей и активистов аульно-районного масштаба, якобы занимавшихся организацией бегства и развалом колхозов (Подсчитано по: СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 202. Л. 1–25). Из 26 арестованных в Чубартавском районе 22 человека (84,6%) были приговорены к расстрелу. По двум районам – Павлодарскому и Батпакаринскому – были проведены аналогичные групповые аресты. Только по одному Кегенскому району бежали в Синьцзян за 1931-1932 гг. 8 025 хозяйств и 158 членов и кандидатов ВКП (б) (СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 202. Л. 13).

Под напором коллективизации, принявшей жесткие формы, во многих случаях казахи стали размещаться на новых для себя территориях: Дагестан, Республика немцев Поволжья, Калмыкия, Башкирия, Дальний Восток и др. Вместе с тем значительная часть казахов была насильственно переселена в отдаленные малообжитые районы РСФСР (Жиромская и др., 1996:93).

Партийными и советским органами бегство населения за «кордон», в частности, в Китай, Иран, Афганистан, Монголию расценивалось как предательство, сопротивление власти со всеми вытекающими последствиями для жизни и безопасности беженца и его семьи.

8 апреля 1931 г. было принято секретное распоряжение Западно-Сибирского крайисполкома председателям райисполкомов об установлении контактов с советскими органами КазАССР «по вопросам бегства отсюда кулаков и зажиточных» и «прекращению наплыва» (ГАНУ. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 124. Л. 4). Фактически до конца 1933 г. действовало требование по обратному выселению беженцев в районы исхода. Бегство не спасло имущие слои от конфискации скота и отчуждения имущества за пределами КазАССР (СГА ДКНБ РК по Павлодарской обл. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 6. Л. 147-148).

Отмечались массовые факты гибели беженцев от холода, истощения, инфекционных заболеваний, убийств, а также многочисленная гибель детей и пожилых лиц, преднамеренное оставление родителями детей в дороге, у чужого порога, в советских учреждениях. Такова была их «душераздирающая стратегия выживания» (Камерон, 2023: 267). Как известно, аул до революции не был знаком с такой социальной проблемой, как детская беспризорность. Больших размеров достигли смертность, нищенство, попрошайничество, воровство, большинство казахов оказались в положении люмпен-пролетариата (ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 108. Л. 58–60об.).

В докладной записке органов юстиции Западно-Сибирского края о борьбе с проявлениями преступлений, совершенных в отношении казахов-беженцев, было подчеркнуто, что, по неполным сведениям за 1932 г., за проявление великодержавного шовинизма по краю привлечено 273 человека, из них кулаков и зажиточных – 34, единоличников – 111, колхозников – 72, должностных лиц – 56 (ГАНУ. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 174. Л. 184–187). Признано, что имеются случаи административного возвращения беженцев «под вооруженным конвоем», «спецконвоем». Так, из Славгородского района переброслено около 1 600 человек (АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 13). В сибирской организации продовольствием снабжать отказались, в результате на обратной дороге в Павлодар за 5 дней умерло 117 беженцев.

О неимоверном наплыве в Киргизию голодных, разоренных, погибающих от нищеты казахов написал Сталину 19 марта 1933 г. учитель Бейше Турусбаев. Беженцы прибывали не только из соседних Алма-Атинской и Джамбулской областей, но и из Восточного, Центрального и Северного Казахстана. Турар Рыскулов, в течение весны 1933 г. направил 4 правительственных телеграммы председателю СНК Киргизской АССР Юсупу Абдрахманову об обустройстве беженцев и имевшей место практике административного их выселения (Плоских, 2017:24). Из-за того, что беженцев считали за хозяйства и включали в план хлебозаготовок, республика, безусловно, старалась избавиться от них.

В Узбекской ССР на июль 1933 г. численность постоянных работников среди беженцев была незначительной. Казахи занимались извозным промыслом и временно привлекались на сельскохозяйственные работы. Во многих документах особо подчеркнуто, что беженцы попрошайничают, нищенствуют, не имеют постоянной работы, пополняя ряды деклассированного элемента.

Каракалпакия была своего рода воротами для продвижения беженцев в другие регионы Узбекистана и в Туркмению. Не случайно, архивная статистика за короткий промежуток времени крайне изменчива и трудно поддается своду. Беженцы из Казалинского, Аральского,

Челкарского, Темирского, Табынского, Актюбинского районов были зафиксированы в Тахтакупырском, Турткульском, Кегейлийском, Караузьякском, Ходжелийском, Шабадском, Чимбайском, Кипчакском районах.

Уполномоченные Казахского правительства, прибывшие 20 августа 1933 г. в районы сосредоточения беженцев, отмечали, что казахи в Каракалпакии в громадном большинстве лишились скота и имущества, превратившись «в не организованную, голую, голодную, нищенствующую, в буквальном смысле этого слова, массу. Они стихийно двигались по всем районам Каракалпакии, покрывая пути своего движения свежими могилами, а часто и трупами. Особенно много погибло детей. Последнее видно из того, что семьи возвращенных нами откочевщиков отличаются крайне малым количеством детей до 10 лет» (АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 1406. Л. 48). Местная власть была единодушна в том, чтобы все беженцы вернулись обратно в Казахскую АССР.

Массовое бегство казахов в Туркменистан архивные документы фиксируют с 1930-1931 гг. Если в Ходжелийском районе Каракалпакии в 1930-1931 гг. остались до 2 000 казахских беженских хозяйств, то за этот же период 7 000 хозяйств прибыли в Порсинский, Куня-Ургенчский и Красноводский районы, хотя были и хозяйства, «которые уже несколько лет живут в пределах Туркмении и Каракалпакии» (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх № 493. Л. 4.). В 1934 г. в Мангистауском районе осталось всего 15 тысяч человек. Беженцы образовали в Туркменистане казахские районы Красноводской и Ташаузской областей и населенные пункты с казахским населением в Ашхабадской, Марыйской и Чарджоуской областях.

По директиве секретаря ЦК КП (б) Туркмении Чары Великова, Куня-Ургенчский райисполком отказался от руководства созданными 4 аулсоветами для казахского населения, были распущены несколько казахских колхозов. Однако казахи должны были сдавать государству шерсть (а иногда и просто отбирали ее), вовлекались в контрактацию верблюдов для перевозки хлопка, хлеба, но им было отказано в снабжении хлебом и промтоварами, а расчеты проводились не своевременно (как впрочем и в Казахстане).

Власти Туркмении также настаивали на возвращении казахов в Казахскую республику. Направленные в Туркмению от правительства КАСССР комиссии сводили свою работу среди беженцев «в основном к учету хозяйств и скота». 19 января 1932 г. на собрании в присутствии свыше 800 человек после доклада уполномоченного СНК КазАССР Астахова жители 14-го аулсовета заявили: «Ехать в Казакстан и умирать там с голоду мы не желаем. Мы и так там голодали 3 года». После такого ответа, представитель правительства заявил: «Мы вас заставим переселиться. Не поедет сами, силой погоним». После этого из Куня-Ургенчского района в Хиву ушло до 400 семей, из Порсинского района в Шавадский район (Хорезм) – до 300 хозяйств. Безрезультатно действовала и комиссия А. Асылбекова, заявившая туркменской стороне, что «казахское правительство обнищавших казахов не примет» (ЦГА РК. Ф. Р-5 рсч. Оп. 21 рсч. Д. 61. Л. 7).

Казахская АССР/ССР не имела общую административную границу с советским Таджикистаном, тем не менее беженцы достигали отдаленную от степи территорию Таджикской республики. Перед беженцами в Таджикистане были 2 варианта обустройства: остаться здесь, или перейти границу в Афганистан. Многие беженцы работали в Хатлонской области на Вахшстрое, который в сентябре 1931 г. был объявлен Всесоюзной ударной стройкой, куда приезжали представители КазАССР для организации работы по возвращению казахов на прежнее место жительства, что вызвало появление потока заявлений-жалоб беженцев (ГА РТ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 39. Л. 113 и об.)¹.

Как следует из исследований профессора А. Нуралиева, в архивных фондах Государственного Комитета национальной безопасности Таджикистана имеются сведения о репрессии членов семей беженцев из Южного Казахстана. В 1928 г. был вынужден тайно поселиться в Курган-Тюбинской области известный религиозный деятель Бабай (Бабарахым или Рахымбаба) Жунусулы. В 1937 г., когда Бабай ишан достиг 80-летнего возраста, органы НКВД арестовали его сыновей – Калымбета и Абдуали (Абдали). Бабаев Калымбет родился в 1895 г. в Кзыл-Ординской области. 11 сентября 1937 г. ему было предъявлено обвинение по ст. 58 и ст. 62 УК Таджикской ССР. Тройка УГБ НКВД вынесла решение о высшей мере

¹Этот документ из ГА РТ предоставлен к.и.н. М.Ч. Калыбековой, г. Алматы.

наказания. Приговор о расстреле приведен в исполнение 15 сентября 1937 г. Бабаев Абдуали, 1900 г. р., уроженец аула № 7 Кзыл-Ординской области был осужден тройкой УГБ НКВД 6 декабря 1937 г. на 8 лет лишения свободы.

К концу 1930 г. беженство в той или иной мере охватило почти все районы Казахской АССР. По данным ОГПУ, в Западный Китай и Афганистан держали опасный путь 83 000 хозяйств, и если принять в среднем 4-5 человек (душ) на семью, тогда выйдем на цифру 332 000–415 000 человек. Подтверждением могут служить данные о возвращении из Китая с середины 50-х годов до 1963 г. включительно 355 000 человек (Төлепбаев, Осипов, 1989:3).

По версии Т. Омарбекова, в 1930–1933 гг. Синьцзян принял 60 тыс. казахов (Омарбеков, 2003: С. 272). По мнению Р. Конквеста, в годы массового голода в Китай бежали 200 тыс. человек (Конквест, 1990). Китайские власти, не церемонясь, арестовывали беженцев даже в присутствии советских дипломатов. В показаниях обвиняемого Аблайханова Мадалыхана за 1937 г. содержится не только информация о консолидации беженцев и их руководителей, но и о репрессиях против них. Так, «Саянов был арестован китайскими властями, затем расстрелян» (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 305. Л. 263).

Получив из Урумчи распоряжение правительства о высылке беженцев, китайские пограничные власти в течение весны 1930 г. насильно выселили около 2000 беженцев-казахов, а за год (без данных по Лепсинскому, Чиликскому, Малай-Сарийскому районам) передали советской стороне 3246 беженцев. Казкрайком 14 марта 1930 г. принял решение: «Баев-зачинщиков и руководителей перехода границы, переданных китайскими властями на территорию СССР, немедленно подвергнуть аресту, с конфискацией всего имущества» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 36). Консул СССР подтверждал в Москву: «Беженцы настолько напуганы суровыми наказаниями, применявшимися на нашей стороне за уход в Китай, что ни за что добровольно не желают возвращаться на советскую территорию и выселение производилось обычно военной силой (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 1–4). 9 марта 1931 г. китайские власти в районе Сумбе передали 223 семейства в составе 1200 человек, бежавшие из СССР (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3336. Л. 16-17).

Преследуя беженцев, советские пограничники неоднократно нарушали государственную границу, вторгаясь в пределы Китая, чем значительно обостряли отношения с провинциальным правительством. Консул СССР в Кульдже информировал 31 января 1931 г. Народный комиссариат иностранных дел и Ф.И. Голощекина, что в течение 1930 г. по границе с Илийским округом было убито более 1000 беженцев, намеревавшихся нелегально перейти границу. В конце марта 1931 г. были убиты на китайской территории 10 беженцев-казахов, в том числе 5 детей и 2 женщины, которые завершали переправу через реку Хоргос. В результате другого боя пограничников с бегущими в сторону Китая было убито в районе перевала Чижим 25 казахов. Зная о проводимых бесчинствах на границе, советская власть мер по их исключению не принимала. Иметь родственников в Китае означало быть в списке ОГПУ неблагонадежных граждан, а во время следствия и репрессивных мер это обстоятельство усугубляло «вину» человека.

На другом конце республики советская власть также принимала меры против протестующего народа. Так, 25 марта 1930 г. в документах ОГПУ зафиксировано, что из числа бежавших из Уральского округа задержано и предано суду 50 человек, остальные разыскиваются, а также с целью предотвращения бегства на границах Уральского, Актюбинского, Гурьевского и Астраханского округов выставлены вооруженные заслоны.

В 1933 г. из Чуйского района около 5 000 хозяйств бежали в Киргизию и ОГПУ привлекло к судебной ответственности 21 человек из числа организаторов бегства, в т. ч. 9 человек были приговорены к высшей мере социальной защиты – расстрелу (СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 210. Л. 25). Беженец в Киргизию Косубаков Чапчек был арестован 28 апреля 1931 г. и осужден Особым Совещанием ОГПУ по ст. 58-2 и 59-2 УК. Он был лишен права проживания в Казахстане и Средней Азии сроком на 3 года (СГА ДП г. Алматы. Ф. 20. Оп. 1. Д. 95. Л. 44).

Следует подчеркнуть, что рассекреченные архивные документы свидетельствуют, что главы семей самовольно переселившиеся внутри одной области республики и за его пределы, подвергались репрессиям по ст. 82, 84 и ст. 58, 59-3 УК РСФСР. По нашему мнению, в статистику репрессий в число пострадавших следует включать всех без исключения членов

семей беженцев, как и высланных баев, ибо члены семьи, дети были лишены своей части собственности, а значит и права наследования.

Внесудебные репрессии против беженцев практиковались и за пределами Казахской АССР. Так, 17 февраля 1932 г. казахи-беженцы из кишлака Кызыл Су (Таджикистан) вступили в бой с советскими пограничниками при переходе границы в Афганистан. Пограничники рапортовали о победе над «противником»: убито 10 мужчин, 7 женщин и 1 ребенок. Ранено 2 мужчин и 2 детей, захвачено 48 человек и трофеи. Пархарская комендатура арестовала 8 человек активных членов «антисоветской» группировки и предала суду тройки при ПП ОГПУ в Средней Азии (Трагедия среднеазиатского кишлака, 2006: 512).

Расстрел пограничниками беженцев, безоружных женщин и детей оставался безнаказанным, известны лишь единичные случаи их увольнения со службы. ОГПУ не отрицало, что были «случаи незаконного, неправильного применения оружия как в отношении безоружных откочевщиков, так и в отношении отдельных арестованных и плененных». Однако в отношении подсудности работники ГПУ были выделены и дела о такого рода преступлениях рассматривались только Коллегией ОГПУ. В целом «борьба с откочёвками» ставилась в большую заслугу ОГПУ перед правящей партией (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5207. Л. 59-60).

Органы ОГПУ–НКВД КазАССР/ССР практиковали не только информационные запросы на беженцев в соседние республики, края, области, но и организовывали насильственное возвращение обратно в районы исхода. Так, допросы беженцев из Южного Казахстана – представителей духовенства были проведены в начале 1930 г. в Ташкенте с последующей отправкой в Казахстан, на репрессии по ст. 58 УК (Койгелдиев, 2009:201-202). На территории концентрации беженцев в Узбекистане спецоперациями ОГПУ был изъят «каэр актив байства» и по версии чекистов было налицо «наличие руководства откочёвками со стороны казахских националистов в Ташкенте», ибо в 1928 г. в Узбекистане якобы создается крепко спаянная организационно-действующая «Группа спасения Казакстана», «открыто выражающая недовольство национальной политикой партии в Казакстане, с нападками, в первую очередь, на Краевое руководство. Основной задачей к[онтр]-р[еволюционная] организация ставила: разрушение экономической мощи Казакстана путем организации массовых откочетов, вредительство в колхозах и водном хозяйстве, а также развал хлопководческого хозяйства».

Развязка наступила осенью 1937 г., когда многие партийные и советские работники казахской национальности в Ташкенте и на Чирчикстрое были огульно обвинены в организации бегства населения, членстве в контрреволюционной организации «Спасения Казахстана» или ранее в партии Алаш и заключены в концлагеря на длительные сроки. Эта же участь постигла беженцев из Казахстана 1920 г. в Китай и Монголию, а также начала 1930-х гг. – в Узбекскую ССР и Каракалпакию.

Документы Государственного архива новейшей истории Иркутской области свидетельствуют о репрессиях против организаторов бегства. Так, в справке Особого отдела НКВД по Восточно-Сибирскому краю «По делу об организаторах массовых откочетов казакского населения и байского элемента из КАССР в пределы Восточной Сибири и Дальнего Востока в к[онтр]-р[еволюционных] целях» подчеркнуто, что «руководители откочетов» за период с 1931 по 1934 г., как минимум 46 человек, были арестованы, но больше всего было арестовано казахов по этому делу в Восточно-Сибирском крае – 36 человек.

По требованию СССР беженцев насильно обратно выдавали советской стороне на монгольской и китайской границах. Чекисты проводили аресты беженцев из Казахстана и России на территории Китая. Показания от 26 апреля 1938 г. обвиняемого видного алашевца Раимжана Марсекова, находившегося с осени 1923 г. во второй эмиграции в Синьцзяне, по нашему предположению, является тому доказательством (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 305. Л. 192–210). О месте пребывания и связях Раимжана Марсекова органы НКВД интересовались, в частности, в Ташкенте на допросе 23 августа 1937 г. Бобкина Бидахмета – беженца, бывшего купца 2-й гильдии (Архив СГБ РУз. Ф. П–14683. Л. 17). По воспоминанию его внуки Халимы Бекмухамедовой: «В Ташкент приезжали взрослые дети казахов (его земляков), которые в трудные годы бежали в Китай из Зайсана, а приехав позже на родину, нашли дедушку и навестили его в Ташкенте. Это послужило поводом, чтобы глухого старика забрать в НКВД, осудить его по политической статье и отправить в лагерь».

Как следует из протокола Тройки НКВД, Фида Ахмета Бобкина обвинили по ст. 66

(пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву, ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений..., а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания) и ст. 67 (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из этих преступлений) УК Узбекской ССР. 10-летний срок пребывания в исправительно-трудовом лагере он должен был завершить в 84-летнем возрасте.

После ареста Фида Ахмета Бобкина в тюрьме Ташкента оказалась его дочь Айша, вдова алашевца Адамбека Бекмухамедова. Следствие по делу велось 11 месяцев, с 26 мая 1938 г. по 5 мая 1939 г. Лишь разоблачение в Москве наркома НКВД СССР Николая Ежова спасло ее. По признанию дочерей Бобкина: «После ареста Пидахмета Бобкина сыновьям Хусаину и Анвару приходилось жить под страхом гонений и репрессий со стороны советской власти, так как они считались сыновьями врага народа, бывшего богатого купца». Хусаина не приняли в Среднеазиатский университет из-за социального происхождения, ему пришлось бежать в Каракалпакию. Общине земляков из Казахстана в Турткуле было оформлено чекистами в качестве контрреволюционной националистической организации. На суде в 1941 г. Хусаин виновным себя в антисоветской пропаганде и агитации не признал. Он был осужден Верховным судом Каракалпакской АССР по ст. 66 ч. 1 и ст. 67 УК Узбекской ССР (аналог ст. 58 УК РСФСР) на 8 лет лишения свободы (Архив СГБ РУз Ф. П–14683. Л. 505; 508)².

Судьбы членов родственных семей Фида Ахмета Бобкина (1863 г. – 10 января 1938 г.), Адамбека Бекмухамедова (1898–1930 гг.), Айши Бекмухамедовой (1899–1970 гг.) и Ермухана Бекмаханова (1915–1966 гг.) – своего рода хрестоматийный пример истории советского периода, репрессий по политическим мотивам, классовой, социальной, религиозной, партийной принадлежности, как во несудебном (ОГПУ–НКВД), так и судебном порядке. Зятья Фида Ахмета Бобкина были выходцами из семей духовных лиц и торе (чингизид), которых советская власть в своей репрессивной политике отнесла к категории АСЭ – антисоветских элементов.

За побег от репрессий в Киргизскую ССР в 1930 г. был осужден 28 сентября 1937 г. Тройкой УНКВД по Алма-Атинской области Рыскулбек Барымбаев на 10 лет лишения свободы. После возвращения из лагеря он стал добиваться реабилитации своего старшего родного брата Каная Боранбаева – первого прокурора Джетысуйской губернии в 1923-1924 гг., Народного комиссара юстиции и Прокурора Казахской АССР в 1924-1925 гг., внесшего большой вклад в репатриацию казахов-беженцев из Сынцзяна в 1918 и 1923 гг.

Влиятельный мулла Семипалатинска Габдулхак Гамалидинов бежал в Сынцзян, но в начале 1939 г. был арестован китайскими властями «за антиправительственную деятельность и погиб в тюрьме. По информации КГБ КазССР, Зият Шакаримов в Китае «возглавил антиправительственную националистическую организацию, за что китайскими властями был арестован и привлечен к уголовной ответственности» (СГА КНБ РК Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 528. Л. 76).

Знакомясь с протоколами Тройки УНКВД по Алма-Атинской области, встречаем обвинения арестованным в «организации откочевки в Западный Китай», наличие родственников, знакомых и земляков в эмиграции в Сынцзяне. Например, 31 августа 1937 г. Муваракшаев Бишир, 1897 года рождения, с. Лавар Чиликского района обвинялся в том, что выступил организатором «откочевки» в 1930 г. «забрал с собой 20 хозяйств, восхваляет жизнь в Западном Китае, систематически занимается агитацией за организацию откочевки в Китай». Он был приговорен к расстрелу.

В феврале 1935 г. был осужден в Туркменской ССР Народным судом Ашхабада на 2 года лишения свободы за нелегальный переход границы в Афганистан Бекарысов Аджибек, 1906 года рождения, казах, грамотный, сын бая-торговца, уроженец Карсакпайского района, имел среднее образование. Вторично, 21 августа 1937 г. Тройкой УНКВД по Алма-Атинской области он был обвинен в эмиграции в Афганистан в 1933 г., где якобы вступил в контрреволюционную националистическую организацию и собирал шпионские сведения. Приговорен к высшей мере наказания.

²Этот и другие документы предоставил д.и.н., проф. Р.Т. Шамсутдинов – руководитель Музея памяти жертв репрессий при Андижанском гос. университете им. З.М. Бабура.

В г. Ашхабаде, 25 сентября 1937 г. НКВД Туркменской ССР подверг допросу реэмигранта из Ирана, инженера-геолога Оразмухамбета Турмухамбетова, 56 лет, уроженец местечка Кзылсу Мангистауского района, ахун (религиозный сан), с 1935 г. по 1/IX-1937 г. находился в Иране, в г. Бендер-Шахе занимался ахунством. Свое бегство в Иран он объяснил следователю тем, что в Казахстане наступил голод, а у него как религиозного деятеля не было работы, и уход в Иран был единственной возможностью спасти семью от неминуемой смерти. «Я обучался в разных мусульманских учебных заведениях, начал обучение с семи лет и к 22 годам окончил обучение, и также получил образование геолога. С 16 до 19 лет учился в Индии, городе Бомбей. Окончил университет, инженерно-геологический факультет. До последнего времени, а именно, в плане исламско-религиозном, в Западном Казахстане, Туркменистане и Иране – Иомудстане работал как геолог и религиозный деятель. Таким образом, с самого детства я приобщен к религиозно-националистической идеологии, которая не принимает идеологию советской власти. Причина в том, что я лично не принимаю политику партии и советского государства, и как религиозный деятель среди мусульман стал проводить политику противодействия советской власти», – заявил он на допросе.

О. Турмухамбетов был включен в список лиц по Туркменской ССР, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР, по 1-й категории. Приговор о расстреле от 29 октября 1938 г. был исполнен. Согласно материалам КГБ СССР и государственных архивов, О. Турмухамбетов не имел связей с иностранной разведкой какой бы то ни было страны. Реабилитирован посмертно 27 сентября 1963 г.

Советская власть целенаправленно устраняла не причины бегства народа за пределы Казахстана и СССР, а его организаторов и активистов, подвергнув их преследованиям и политическим репрессиям, в том числе во внесудебном порядке в нарушение Конституции СССР и Казахской ССР и прямой фальсификации обвинения, в частности, по ст. 59-3 (бандитизм) УК РСФСР. Против беженцев действовали войска ОГПУ, части Красной армии, коммунистические отряды из комсомольцев, большевиков и аппаратчиков, внесудебные и судебные органы, в том числе агенты и сотрудники ОГПУ–НКВД за пределами СССР.

Закключение. Беженцы из Казахстана – эта особая категории жертв и пострадавших от политических репрессий, не охваченная действующим законодательством РК. Коммунистическая идеология сформировала миф о том, что беженцы – это классовые враги советской власти и предатели родины. Возвращение в Казахстан беженцев также не спасло их от преследования и репрессий. В годы Большого террора НКВД отдельно вело сводку «Контрреволюционные организации из бывших баев, возвращенцев из откочёвки». Приведем данные НКВД на 18 августа 1938 г. по двум районам Южно-Казахстанской области. Так, в Келесском районе из 800 возвратившихся хозяйств были созданы колхозы, в которых, по версии НКВД, антисоветскую деятельность вели контрреволюционные повстанческие организации. По делу было арестовано 31 человек, к расстрелу приговорен 14 человек, остальные получили лишение свободы от 10 до 25 лет. По другой версии чекистов, 70 человек – «бывшие баи, возвращенцы» состояли в контрреволюционной повстанческой организации в Каратасском районе. По делу было арестовано 38 человек и все были приговорены к высшей мере наказания. Аналогичную группу спецслужба «вычислила» в ауле Турбат. Аресту были подвергнуты 14 человек и все расстреляны (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 386. Л. 219–224).

По нашему мнению, круг граждан, подлежащих полной реабилитации, должен быть законодательно расширен, в том числе за счет новой, специфической казахстанской категории – вынужденные беженцы в связи с нарушениями естественных прав личности, репрессиями социально-политических и гражданских прав членов общества.

Создание Государственной комиссии позволило «беженский вопрос» впервые поставить в контекст политических репрессий в СССР в 20–30-х гг. XX в. и целесообразности полной (политической, юридической) реабилитации жертв и пострадавших от репрессий, в том числе в рамках отдельного закона РК «О беженцах, покинувших территорию Казахстана в годы политических репрессий». Положено начало формированию нового подхода в изучении сложной проблемы, имеющей международные аспекты.

Источники

АП РК – Архив Президента Республики Казахстан, Алматы

Архив СГБ РУз – Архив Службы государственной безопасности Республики Узбекистан, Ташкент
 Ашаршылық в Казахстане, 2023 – Ашаршылық в Казахстане: казахские беженцы в Кыргызстане
 1932-1933: Сб. документов и материалов [Asharshylyk in Kazakhstan: Kazakh refugees in Kyrgyzstan 1932-
 1933: Collection of documents and materials] / Сост.: Кызаева Д.Ш., Курманов З.К., Абдрахманов А.Ю.
 Бишкек, 2023. 314 с.

ГАО – Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск ГАО

ГАОЖ – Государственный архив области Жетысу, Талдыкорган

ГА РТ – Государственный архив Республики Таджикистан, Душанбе

Гонимые голодом, 1995 – Гонимые голодом: Документы о судьбе десятков тысяч казахов,
 бежавших в Сибирь в начале 30-х годов. В 4-х ч. Ч. 1 / Отв. ред. Познанский В.С. Алматы, 1995. 163 с.

Материалы Государственной Комиссии, 2022 – Материалы Государственной Комиссии по полной
 реабилитации жертв политических репрессий 20–50 годы XX века. Т. 5: Вынужденные беженцы: Сб.
 документов и материалов / Сост.: К.Н. Балтабаева, Р.К. Айдарбаева, Ш.Б. Тлеубаев и др.; Под общ. ред.
 Е.Т. Карина. Астана, 640 с.: табл., илл.

Советское руководство, 1999 – Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. 519 с.

СГА КНБ РК – Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности
 Республики Казахстан, Астана

СГА ДКНБ РК по Павлодарской обл. – Специальный государственный архив Департамента КНБ
 РК по Павлодарской области, Павлодар

СГА ДП г. Алматы – Специальный государственный архив Департамента полиции города
 Алматы, Алматы

Трагедия среднеазиатского кишлака, 2006 – Трагедия среднеазиатского кишлака:
 коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929–1955 гг.: Документы и материалы. Т. I / Сост.:
 Шамсутдинов Р.Т., Расулов Б.М. Ташкент, 2006. 655 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

Литература

Аблажей, 2014 – *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник. «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Караганда, 2014. 273 с.

Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 – *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71.

Дацышен, 2023 – *Дацышен В.Г.* История русско-китайских отношений 1917–1949 гг. Красноярск, 2023. 216 с.

Жеменей, 2012 – *Жеменей И.* Иран және иран қазақтары: Тарихи зерттеу. Алматы, 2012. 270 б.

Жиромская, Киселев, Поляков, 1996 – *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. 153 с.

Кабульдинов, Балтабаева, Джумашев и др., 2022 – *Кабульдинов З.Е., Балтабаева К.Н., Джумашев А.М. и др.* Казахи в Средней Азии: история и судьбы (1920–1950) гг. Алматы, 2022. 472 с.

Камерон, 2023 – *Камерон С.* Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана / Авт. пер. с англ. А. Терещенко. Алматы, 2023. 360 с.

Койгелдиев, 2009 – *Койгелдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. 448 с.

Конквест, 1990 – *Конквест Р.* Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 83–100.

Курманов, 2022 – *Курманов З.К.* О некоторых актуальных вопросах казахского голодомора и беженства в Кыргызстане // Массовый голод 1930-х годов в Казахстане и вынужденные откочевки казахов на сопредельные территории: проблемы современного осмысления и научной оценки: материалы Междунар. научн.-практ. конф. Алматы, 2022. С. 19–27.

Мальшева, Познанский, 1999 – *Мальшева М.П., Познанский В.С.* Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. 1931–1934. Алматы, 1999. 536 с.

Мендикулова, 1997 – *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы казахской диаспоры: Происхождение и развитие. Алматы, 1997. 264 с.

Мендикулова, 2006 – *Мендикулова Г.М.* Казахская диаспора: история и современность. Алматы, 2006. 343 с.

Наземцева, 2010 – *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне в 1920–1930-е гг. Барнаул, 2010. 270 с.

Нуралиев, 2016 – *Нуралиев А.* Казахи Таджикистана. Душанбе, 2016. 160 с.

Омарбеков, 2003 – *Омарбеков Т.* Қазақстан тарихының XX ғасырдағы өзекті мәселелері: Көмекші оқу құралы. Алматы, 2003. 552 б.

Плоских, 2017 – *Плоских В.В.* Революцией мобилизованный и призванный: Турар Рыскулов // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 4. С. 22–26.

Төлепбаев, Осипов, 1989 – *Төлепбаев Б., Осипов В.* Тарихи шындық тұрғысынан: Қазақстандағы коллективтендірудің күрделі мәселелері туралы // Социалистік Қазақстан. 1989. 14 январь.

Sources

- AP RK – Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty
 Archive SSS RUZ – Archive of the State Security Service of the Republic of Uzbekistan, Tashkent
 Asharshylyk v Kazakhstane: kazakhskie bejentsyi v Kyrgyzstane 1932-1933: Sbornik dokumentov i materialov [Asharshylyk in Kazakhstan: Kazakh refugees in Kyrgyzstan 1932-1933] / Sost.: Kyzaeva D.Sh., Kurmanov Z.K., Abdrahmanov A.Yu. Bishkek, 2023. 314 s.
 GANO – State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk
 GAOZH – State Archive of Zhetysu region, Taldykorgan
 GA RT – State Archive of the Republic of Tajikistan, Dushanbe
 Gonimyye golodom: Dokumenty i o sudbe desyatkov tyisyach kazakhov, bejavshih v Sibir v nachale 30-h godov [Driven by hunger: Documents on the fate of tens of thousands of Kazakhs who fled to Siberia in the early 30s]. V 4-h ch. Ch. 1 / Otv. red. Poznanskiy V.S. Almaty, 1995. 163 s. (In Rus.)
 Karin E.T. (ed.). Materialy Gosudarstvennoy Komissii po polnoy reabilitatsii jertv politicheskikh repressiy 20–50 godyi XX veka [Materials of the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repression in the 20–50 years of the twentieth century]. T. 5: Vyunujdennyye bejentsyi: [Vol. 5: Forced refugees]: Sb. dokumentov i materialov / Sost.: K.N. Baltabaeva, R.K. Aydarbaeva, SH.B. Tleubaev i dr. Astana, 640 s.: tabl., ill. (In Kaz., Rus.)
 Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg. [The Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941]. M., 1999. 519 s. (In Rus.)
 SGA NSC RK – Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, Astana
 SGA DNSC RK – Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for the Pavlodar region, Pavlodar
 SGA DP Almaty – Special State Archive of the Almaty City Police Department, Almaty
 Tragediya sredneaziatskogo kishlaka: kollektivizatsiya, raskulachivanie, ssylka. 1929–1955 gg.: Dokumenty i materialy. [The tragedy of the Central Asian village: collectivization, dispossession, exile. 1929–1955]. T. I / Sost.: Shamsutdinov R.T., Rasulov B.M. Tashkent, 2006. 655 s. (In Rus.)
 CSA RK – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan

References

- Ablajey, 2014 – Ablajey N.N. Kazakhskiy migratsionnyy mayatnik. “Kazakhstan – Sintszyan”. Emigratsiya. Repatriatsiya. Integratsiya [Kazakh migration pendulum. “Kazakhstan – Xinjiang”. Emigration. Repatriation. Integration]. Karaganda, 2014. 273 s. (In Rus.)
 Abylhojin, Kozybaev, Tatimov, 1989 – Abylhojin J.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstanskaya tragediya [Kazakhstan tragedy] // Voprosy istorii. 1989. № 7. S. 53–71. (In Rus.)
 Datsyishen, 2023 – Datsyishen V.G. Istoriya russko-kitayskih otnosheniy 1917–1949 gg. [History of Russian-Chinese relations 1917–1949]. Krasnoyarsk, 2023. 216 s. (In Rus.)
 Jemeney, 2012 – Jemeney I. Iran jone iran kazakhtaryi: Tarihi zertteu [Iran and the Iranian Kazakhs: A Historical Study]. Almaty, 2012. 270 b. (In Kaz.)
 Jiromskaya, Kiselev, Polyakov, 1996 – Jiromskaya V.B., Kiselev I.N., Polyakov Yu.A. Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 goda [Half a century under the heading “secret”: The All-Union Population Census of 1937]. M., 1996. 153 s. (In Rus.)
 Kabuldinov, Baltabayeva, Djumashev i dr., 2022 – Kabuldinov Z.E., Baltabayeva K.N., Djumashev A.M. i dr. Kazakhi v Sredney Azii: istoriya i sudbyi (1920–1950 gg.) [Kazakhs in Central Asia: History and Destinies (1920–1950)]. Almaty, 2022. 472 s. (In Rus.)
 Kameron, 2023 – Kameron S. Golodnaya step: Golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazakhstana [The Hungry Steppe: Famine, Violence and the Making of Soviet Kazakhstan] / Avt. per. s angl. A. Tereschenko. Almaty, 2023. 360 s. (In Rus.)
 Koygeldiev, 2009 – Koygeldiev M.K. Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-h godov [Stalinism and repression in Kazakhstan in the 1920–1940s.]. Almaty, 2009. 448 s.
 Conquest, 1990 – Conquest R. Jatva skorbi [The Harvest of Sorrow] // Voprosy istorii. 1990. № 4. S. 83–100.
 Kurmanov, 2022 – Kurmanov Z.K. O nekotorykh aktualnykh voprosakh kazahskogo golodomora i bejentsva v Kyrgyzstane [About some topical issues of the Kazakh famine and flight to Kyrgyzstan] // Massovyyi golod 1930-h godov v Kazakhstane i vyunujdennyye otkochevki kazakhov na sopredelnyie territorii:

problemyi sovremennogo osmysleniya i nauchnoy otsenki: materialyi Mejdunar. nauchn.-prakt. konf. Almaty, 2022. S. 19–27.

Malyisheva, Poznanskiy, 1999 – Malyisheva M.P., Poznanskiy V.S. Kazakhi – bejentsyi ot goloda v Zapadnoy Sibiri. 1931–1934 [Kazakhs are refugees from hunger in Western Siberia. 1931–1934]. Almaty, 1999. 536 s.

Mendikulova, 1997 – Mendikulova G.M. Istoricheskie sudby kazakhskoy diaspori: Proishojdenie i razvitie [Historical destinies of the Kazakh diaspora: Origin and development]. Almaty, 1997. 264 s.

Mendikulova, 2006 – Mendikulova G.M. Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost [Kazakh Diaspora: history and modernity]. Almaty, 2006. 343 s.

Nazemtseva, 2010 – Nazemtseva E.N. Russkaya emigratsiya v Sintszyane v 1920–1930-e gg. [Russian emigration in Xinjiang in the 1920–1930s.]. Barnaul, 2010. 270 s.

Nuraliev, 2016 – Nuraliev A. Kazakhi Tadjikistana [Kazakhs of Tajikistan]. Dushanbe, 2016. 160 s.

Omarbekov, 2003 – Omarbekov T. Kazakhstan tarihyinyin XX gasyirdagyi ozekti maseleleri: Komekshi oku kuraly [Actual problems of the history of Kazakhstan in the XX century: an auxiliary textbook]. Almaty, 2003. 552 b.

Ploskih, 2017 – Ploskih V.V. Revolyutsiei mobilizovannyiy i prizvannyiy: Turar Ryskulov [Mobilized and conscripted by the Revolution: Turar Ryskulov]. // Vestnik KRSU. 2017. T. 17. № 4. C. 22–26.

Tolepbayev, Osipov, 1989 – Tolepbayev B., Osipov V. Tarihi shyindyik turgyisyinan: Kazakhstandagyi kollektivtendirudin kurdeli maseleleri turaly [From the point of view of historical reality: on the complex problems of collectivization in Kazakhstan] // Sotsialistik Kazakhstan. 1989. 14 yanvar.

ОТАН ТАРИХЫ. 2023 № 26 (4)

ӘДІСНАМА / METHODOLOGY / МЕТОДОЛОГИЯ

Балтабаева К.Н., Жакишева С.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ КАЗАХСТАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ 20–30-Х ГГ.
XX ВЕКА И ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ.....670

Meldibekova Z.A.

DIGITALIZATION OF MODERN NATIONAL HISTORICAL SCIENCE683

ТАРИХ / HISTORY / ИСТОРИЯ

Ногайбаева М.С., Көшімова А.О., Қыдыр Т.

АЛТЫН ОРДА ДӘУІРІНДЕГІ ДІНИ-ДИДАКТИКАЛЫҚ ШЫҒАРМАЛАРДЫҢ
ДЕРЕКТІК МАҢЫЗЫ.....692

Қамбарбекова Ф.Ә., Қари Қ.А.

XIX ҒАСЫРДАҒЫ БҰХАРА ХАНЫНЫҢ ЕЛШІСІ ХАТШЫСЫНЫҢ
ЕСТЕЛІГІНДЕГІ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ МЕН ҚАЗАҚТАР.....704

Oterova G.E., Karimova A.E., Kussainov D.Zh.

THE SIGNIFICANCE OF THE DOCUMENTS OF THE SIBERIAN COMMITTEE
IN THE STUDY OF THE HISTORY OF KAZAKHSTAN OF THE XIX CENTURY.....718

Нұртазина Н.Д., Азмұханова А.М., Әкімбек Ж.А.

ТҮРКІСТАН ӨЛКЕСІНДЕГІ МҰСЫЛМАНДЫҚ МЕКЕМЕЛЕР МЕН ДІНБАСЫЛАРҒА
ҚАТЫСТЫ ИМПЕРИЯЛЫҚ ДОКТРИНАЛАР.....730

Нұрпейісова Э.Т., Әбіл Е.А., Ураков Д.Ж. (Узбекистан)

ЕЛДЕС ОМАРОВ: ТАРИХ ТОЛҚЫНЫНДАҒЫ ТҮЛҒА (ЗЕРТТЕЛУ ДЕҢГЕЙІ).....744

Харипова Р.Е.

МУЗЕЙНЫЙ ФОНД КАК ИСТОЧНИКОВАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЫ (К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ
КАЗАХСТАНА).....755

Қожақұлы Ө., Асқар А.Г.

XX Ғ. БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ АУЫЛЫ: ЭКОНОМИКАЛЫҚ-САЯСИ АХУАЛДЫ ЖІКТЕУ,
ТАЛДАУ (СЫРДАРІЯ ОБЛЫСЫ МЫСАЛЫНДА).....767

Собисевич А.В. (Россия)

ОПЫТНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАНЦИЯ КАРАГАНДИНСКОГО
ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ.....779

Мамбетова Г.А., Мүмінов Ә.К. (Түркия)

ҚАЗАҚ МОЛДАЛАРЫНЫҢ XX ҒАСЫРДАҒЫ «АМАН ҚАЛУ» СТРАТЕГИЯСЫ
(ҚАЗАҚСТАННЫҢ БАТЫС Өңірі).....792

Taspulatova K.K.

METHODS AND WAYS FOR CULTIVATING KAZAKHSTANI PATRIOTISM.....808

Маргулан А.С.

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ЛОНДОНСКОГО И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
СПИСКОВ «ТАВАРИХ-И ГУЗИДА-ЙИ НУСРАТ-НАМЕ» ПО ГЕНЕАЛОГИИ
ДЖУЧИДОВ.....817

Kuanbay O.

THE IMPACT OF THE GENRO COUNCIL OF ELDERS ON SHAPING MODERN JAPAN
(1889-1912).....832

Бәкір Ә.Қ., Құдайбергенова А.И., Тайман С.Т.

МҰСТАФА ШОҚАЙДЫҢ ТӘУЕЛСІЗ МЕМЛЕКЕТ ЖОЛЫНДАҒЫ
КҮРЕСІНДЕГІ НЕГІЗГІ ТҰЖЫРЫМДАР.....846

АРХЕОЛОГИЯ / ЭТНОГРАФИЯ / ЭПИГРАФИКА

Рахимжанова С.Ж., Курманиязов И.С., Аккошкарлова Ж.Т.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ СТОЯНКИ
ЖАЛҒЫЗ-АҒЫМ.....860

Нұрманова А.Ш.

ДЖУЧИДСКИЕ ПРАВИТЕЛИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ И НАРРАТИВНЫХ
ИСТОЧНИКОВ.....870

Әжіғали С.Е., Әшім Б.Ә.

БАТЫС ҚАЗАҚСТАН КЕШЕНДІ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЭКСПЕДИЦИЯСЫНЫҢ
2021 ЖЫЛҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕРІНІҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІ.....883